

Р. А. Фадеев

**Письма с Кавказа к
редактору Московских
ведомостей**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р11

Р11 **Р. А. Фадеев**
Письма с Кавказа к редактору Московских ведомостей / Р. А. Фадеев – М.:
Книга по Требованию, 2016. – 260 с.

ISBN 978-5-518-09661-5

ISBN 978-5-518-09661-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Истекшій 1864 годъ былъ одинъ изъ самыхъ счастливыхъ, отмѣченныхъ годовъ нашей тысячелѣтней жизни. Русскій народъ, соединенный въ тѣ памятные мѣсяцы какъ одинъ человекъ, видѣлъ разомъ усмиреніе польскаго возстанія и окончаніе вѣковой кавказской борьбы.

Имена Польши и Кавказа поставлены рядомъ не случайно. Наружной связи между ними нѣтъ; матеріально эти страны составляютъ два совершенно отдѣльные центра дѣйствія; однакоже внутренняя связь не только существуетъ, но даже обнаруживается довольно явственно. Недавно одинъ изъ значительныхъ европейскихъ дипломатовъ въ Константинополѣ говорилъ: «Европа не можетъ видѣть съ равнодушіемъ покореніе Кавказа. Независимый Кавказъ для нея также желателенъ, какъ была бы желательна независимая Польша. Независимость Кавказа могла бы даже сильно содѣйствовать въ удобную минуту независимости Польши.» Дѣйствительно, дѣло шло для Россіи объ одномъ и томъ

же вопросъ на Кавказѣ, какъ въ Польшѣ; тотъ же моментъ нашей исторіи выразился одинаково на двухъ окраинахъ имперіи. Почти одновременно русскій народъ встрѣтилъ въ своемъ естественномъ ростѣ два препятствія, передъ которыми онъ не могъ остановиться, не отказываясь отъ половины уже совершеннаго пути: одно на европейскомъ, другое на азіатскомъ рубежѣ. И тамъ, и здѣсь необходимость преодолѣть эти препятствія вызвала столѣтнюю борьбу, то явную, то подземную, но непрерывную и не допускавшую никакихъ сдѣлокъ, до такой степени, что всякая сдѣлка, какъ доказалъ опытъ, положительно вредила окончательному результату. И тамъ, и здѣсь покореніе противниковъ было не цѣлью, а только средствомъ навсегда обезопасить отъ враждебныхъ покушеній, прочно укрѣпить за собою свое родное, несомнѣнно намъ принадлежащее. Въ продолженіе почти цѣлаго столѣтія Кавказъ былъ для насъ буквально «азіатскою Польшей.»

Извѣстно, что не честолюбіе, а честь и состраданіе вынудили Русское Правительство присоединить Грузію къ своимъ владѣніямъ; но тѣмъ не менѣе нельзя считать занятіе закавказскихъ областей событіемъ случайнымъ. Россія была приведена къ этому занятію своею исторіей и своимъ географическимъ положеніемъ; не совершись оно въ 1800 году, оно произошло бы позже, но произошло бы несомнѣнно. Государство, упирающееся въ Черное и Каспійское моря, не можетъ быть равнодушно къ тому, что происходитъ на Кавказскомъ перешейкѣ, который въ полномъ смыслѣ слова командуетъ этими морями. Географическія очертанія страны входятъ, какъ одинъ изъ главнѣйшихъ элементовъ, въ созданіе той постоянно дѣйствующей, роковой силы на-

родной исторіи, которая помимо всѣхъ случайныхъ событій увлекаетъ ее преимущественно въ ту, а не въ другую сторону. Въ XVI вѣкѣ Каспійское море и Волга связывали въ одинъ политическій міръ мусульманскія царства отъ Персіи до устья Оки. Когда русскій народъ сѣлъ на развалинахъ сѣверныхъ татарскихъ царствъ и захватилъ въ Астрахани ключъ этого длиннаго бассейна, онъ прямо вступилъ въ права мусульманскаго наслѣдства: главный торговый путь Россіи, Волга, выводилъ насъ въ пустынное Каспійское море—море безъ хозяина и кораблей, по берегамъ котораго стояли однакожь многочисленные города и жили промышленные и богатые народы. Мы знаемъ изъ восточныхъ историковъ какой трепетъ объялъ всѣхъ мусульманъ каспійскаго побережья, когда они узнали о паденіи Казани и Астрахани. Связанные ежедневными сношеніями съ этими странами, считая себя за одинъ почти народъ, они не понимали за чѣмъ русскимъ останавливаться на устьяхъ Волги. По ихъ мнѣнію, Ширванское царство должно было немедленно подвергнуться участи Астраханскаго, и они были правы: когда казачьи атаманы распоряжались какъ хотѣли на всемъ каспійскомъ побережьи, то дѣло это не было бы слишкомъ мудренымъ для Московскаго царя. Въ тоже время молила насъ о спасеніи единовѣрная Грузія, истерзанная мусульманскими нашествіями. Въ то же время казаки селились на Терекѣ; пятигорскіе черкесы принимали подданство Россіи. Если бы продолжился блестящій періодъ дѣятельности Грознаго, можетъ быть кавказскій перешеекъ былъ бы занятъ тремя вѣками ранѣе. Какъ бы ни было, съ XVI вѣка мысль о владычествѣ на Кавказѣ стала наслѣдственною въ русской исторіи; въ періоды слабого управленія она какъ

будто гасла; но всякое сильное царствованіе вновь выводило ее наружу. Сейчас же послѣ Грознаго, Годуновъ посылалъ стрѣльцовъ въ Грузію. За тѣмъ періодъ самозванцевъ отбросилъ Россію на много лѣтъ назадъ и заставилъ ее думать только о возвращеніи утраченнаго. Но вотъ вступаетъ на престолъ Петръ и, только что кончивъ войну за Балтійское море, сейчас же начинаетъ ее за Каспійское; если бы Богъ далъ ему жизни еще на нѣсколько лѣтъ, русское владычество утвердилось бы тогда же окончательно на Кавказѣ. Между Петромъ и Екатериной правительство во внѣшней политикѣ и внѣ польскихъ дѣлъ почти ничего не преслѣдовало систематически. Мысли о Кавказѣ воскресли только при Екатеринѣ. Хотя Екатерина колебалась и не желала занимать навсегда Закавказье, тѣмъ не менѣе она послала въ при-Каспійскія области графа Зубова, и еслибы не смерть императрицы, то русскія войска не вернулись бы за Терекъ. Съ того времени какъ имперія, давно уже владѣвшая Каспійскимъ моремъ, доросла наконецъ до Чернаго, можно было безошибочно предвидѣть, что нѣсколько ранѣе, нѣсколько позже Кавказскій перешеекъ будетъ занятъ Русскими. Можно сказать только «слава Богу», что занятіе это совершилось при Павлѣ; если бы промедлили три-четыре года, то конечно въ періодъ непрерывныхъ европейскихъ войнъ первой половины царствованія Александра было бы уже не до Кавказа; а съ 1815 года всякое посягательство съ нашей стороны на этотъ край вызвало бы на свѣтъ кавказскій вопросъ въ размѣрахъ вопроса европейскаго.

Виды русскаго правительства на Кавказъ, питаемые въ продолженіе вѣковъ, не всегда были исполнѣ созна-

тельны; но не въ томъ дѣло; они существовали и переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе; это видно изъ того, что каждая благоприятная минута, каждое энергическое царствованіе вновь вызывали ихъ къ жизни. Развѣ убѣжденія нынѣшняго русскаго общества по польскому дѣлу были сознаваемы отчетливо при царяхъ, при Петрѣ, при Екатеринѣ? а между тѣмъ рѣшеніе этого вопроса все шло впередъ къ своей естественной развязкѣ; и конечно большинство русскихъ дѣателей, участвовавшихъ въ рѣшеніи этого международнаго спора, въ какой бы мѣрѣ оно ни признавало выработавшіяся нынѣ идеи, дѣйствовало болѣе или менѣе въ ихъ общемъ смыслѣ, такъ какъ въ этомъ смыслѣ именно развивалось и наконецъ рѣшилось все дѣло. На томъ и держится послѣдовательность исторіи, что такія полусознательныя идеи все-таки заключаютъ въ себѣ всю массу побужденій, нужныхъ для настойчиваго дѣйствія. То же было съ вопросомъ кавказскимъ. Русское общество и теперь еще такъ же смутно судить о немъ какъ за двадцать лѣтъ предъ этимъ судило о польскомъ дѣлѣ; оно больше полувѣка смотрѣло съ равнодушнымъ удивленіемъ на нескончаемую кавказскую борьбу и такъ къ ней привыкло, что уже и не ожидало развязки. Тысячи русскихъ семействъ, носившихъ трауръ по роднымъ, падшимъ на Кавказѣ, даже не задавали себѣ вопроса какому богу приносятся эти жертвы. Кто изъ насъ не слышалъ такихъ домашнихъ разсужденій, что Закавказье надо бросить, какъ не окупающее расходовъ на войну; или разсужденій иностранныхъ въ такомъ родѣ, что мы длимъ нарочно кавказскую войну для того, чтобъ упражнять свою армію! Можно навѣрное сказать, что далеко не всѣ русскіе государственные люди XIX столѣтія, имѣвшіе влія-

ніе, каждый по своему вѣдомству, на ходъ кавказскихъ дѣлъ, сознавали цѣль этой настойчивой борьбы. Но правительство шло къ своей цѣли неуклонно и не жалѣя никакихъ жертвъ, особенно въ два послѣднія царствованія, при императорѣ Николаѣ I и нынѣ царствующемъ Государѣ — и достигло цѣли. Ожесточенные возгласы, которыми въ Англіи, Франціи и Австріи государственные люди, газеты и народныя сборища привѣтствовали паденіе Шамиля, а въ 1864 году окончательное покореніе Кавказа должны, наконецъ, просвѣтить русское общество на счетъ той истины, что на Кавказѣ рѣшается нѣчто весьма значительное. Въ 1859 году былъ поданъ королевѣ Викторіи адресъ, обвинявшій министерство въ измѣнѣ за то, что оно покинуло Шамиля, защищавшаго доступъ въ Азію. Въ прошломъ году потокъ всевозможныхъ проклятій на насъ за успѣхъ, на свои правительства за мнимую слабость къ намъ, разразился еще сильнѣе. Послѣдняя преграда Русскимъ со стороны Азіи рухнула, объявляли ораторы на митингахъ. Угнетеніе черкесовъ сдѣлалось такою же публичною темой, какъ угнетеніе поляковъ. Но не изъ-за благополучія черкесовъ скорбѣли сердобольныя сердца; намъ не прощали исхода борьбы, раздвинувшаго не только Русскую имперію, но русскій народъ до Абхазіи. «Можетъ ли Европа видѣть равнодушно,» говорилъ одинъ изъ европейскихъ посланниковъ въ Константинополь, «какъ Черное море географически дѣлается русскимъ?» «Теперь господствующая роль въ Турціи опять принадлежитъ Русскимъ», сказала другой, «первое замѣшательство въ Европѣ, и съ своихъ азиатскихъ рубежей они сдѣлають что захотятъ!» Можетъ ли Европа видѣть равнодушно! было общимъ возгласомъ.

Конечно, все это только слова первого переполоха. Самая откровенность ихъ выказываетъ душевное волненіе ихъ вызвавшее. Но надобно замѣтить, что вообще люди, сдѣлавшіе себѣ ремесло изъ оцѣнки нѣкоторыхъ вещей, кончаютъ почти всегда тѣмъ, что понимаютъ ихъ недурно.

Съ первыхъ словъ этого письма я назвалъ Кавказъ Польшей русско-азійскаго предѣла; выраженіе это я понимаю въ буквальномъ смыслѣ. Россія имѣетъ только двѣ границы—европейскую въ 3 т. и азійскую въ 10 т. верстъ, отъ устья Дуная до устья Амура (въ политическомъ смыслѣ Турція должна быть причислена къ Азіи). Въ Россіи твердо укоренилось теперь мнѣніе, что мы не можемъ бросить Польшу, не подвергая всевозможнымъ случайностямъ нашу западную границу; надобно также, чтобы русское общество вполне уяснило себѣ очевидную истину, что безопасность всей южной границы имперіи, отъ Одессы до китайскихъ предѣловъ, заключается въ обладаніи Кавказскимъ перешейкомъ, не говоря уже о возможности великаго будущаго, зерно котораго лежитъ тамъ же.

Географическое положеніе Кавказскаго перешейка придаетъ этой странѣ господствующее, всемірное значеніе, политическое и торговое, значеніе, которое бы еще удвоилось, еслибъ она очутилась въ рукахъ морской державы.

Между тѣмъ какъ западный берегъ Закавказья лежитъ въ нѣсколькихъ дняхъ пароходнаго плаванія отъ Мальты и Тулона, съ восточнаго можно протянуть руку въ самую глубь Азіи. При желѣзной дорогѣ изъ Потти въ Баку, Астрабадъ будетъ таковой же европейскій городъ какъ Одесса. Европейскій властитель Закавказья

можетъ господствовать безпрекословно надъ Азіятскою Турціей, Персіей и Закаспійскимъ краемъ, перешагнуть на Аральское море и Аму-Дарью, которая судоходнымъ путемъ доставить его до Балха, куда уже заглядывали англо-индійскія войска. Со стороны Россіи Закавказье ограждено страшнымъ горнымъ хребтомъ, заселеннымъ, сплошь до мая 1864 года, самыми варварскими и воинственными племенами. Достаточно было поддерживать такую границу въ состояніи независимости, чтобы никто и никогда не могъ черезъ нее перешагнуть. Если бы мы не заняли благовременно Закавказскій край, стоило бы только морской державѣ стать туда ногою и спустить нѣсколько военныхъ судовъ въ Каспійское море,—и мы не могли бы даже мечтать о томъ, чтобы атаковать ее въ подобной позиціи, не превзойдя морскимъ могуществомъ нашихъ соперниковъ.

Положеніе азіатскихъ дѣлъ довольно мало извѣстно русскому обществу. Но всякій, занимавшійся исторіею, знаетъ, что паденіе общественное продолжается въ Азіи уже нѣсколько столѣтій. Самъ собою предстаетъ вопросъ: при нынѣшнемъ разложеніи азіатскаго міра въ политическомъ и всякомъ другомъ отношеніи, такомъ разложеніи, что надобно видѣть его, чтобы понять до чего оно простирается; при нынѣшнемъ безцеремонномъ обращеніи европейскихъ, особенно же морскихъ, державъ со всѣмъ, что только есть азіатскаго въ мірѣ,—какъ долго оставался бы безъ хозяина такой господствующій по своему положенію кусокъ земли, какъ Закавказскій край? Послѣ восточной войны, напримѣръ, когда союзники могли распоряжаться въ Черномъ морѣ какъ хотѣли? Да и теперь, съ тѣхъ самыхъ поръ какъ безсиліе Турціи растворило настежь двери обоихъ про-

лизовъ? Собственныя средства обороны Закавказья, какъ мы его застали, были совершенно ничтожны. Истерзанная Грузія приняла бы всякое покровительство, менѣе охотно чѣмъ наше, конечно, но все-таки приняла бы; ей было не до разборчивости, когда ни одинъ изъ жителей ея не былъ обезпеченъ въ одномъ часѣ жизни. Остальныя страны Закавказья были въ нѣсколько лѣтъ покорены десятью тысячами русскихъ войскъ, несмотря на войну съ Персіей и Турціей. Вотъ итогъ силъ, который былъ нуженъ для того, чтобы занять и удержать Закавказье. Оборона его противъ Россіи была бы дѣломъ чисто морскимъ.

Я глубоко убѣжденъ, что Кавказскій перешеекъ не остался бы до 1864 года при однихъ своихъ туземныхъ хозяевахъ, и что если онъ не обращенъ въ чудовищный Гибралтаръ, преимущественно противъ насъ, то этимъ мы обязаны исключительно тому обстоятельству, что успѣли заблаговременно перешагнуть горы.

Но еслибы Закавказскій край былъ дѣйствительно обращенъ въ громадный Гибралтаръ, каковы были бы для насъ послѣдствія?

Я думаю, очень нехорошія. Первымъ послѣдствіемъ было бы то, что Черное и Каспійское моря, изъ внутреннихъ бассейновъ, какими они должны быть, стали бы достояніемъ недруговъ, и намъ бы не дали выпустить на ихъ воды ни одной лодки, и это ужъ навсегда. Но этого мало. Мы были бы тогда относительно морской державы, занимающей Кавказъ, въ положеніи безсильной Греціи, и каждый Пасифико сталъ бы командовать Россіей. Надобно вспомнить, что вся южная часть Европейской Россіи создана Чернымъ моремъ. Покуда мы не овладѣли сѣверными берегами его, Россія кончалась

къ югу пустыней, гдѣ могли жить только разсѣянные хуторяне, довольствовавшіеся всѣмъ съ своего куска земли, такъ какъ ни продавать, ни покупать тамъ было нечего. Край этотъ заселился тогда лишь, когда открылись ему сообщенія съ цѣлымъ свѣтомъ. Черное море есть окошко, которымъ воздухъ и свѣтъ входятъ въ южную Россію, считая тутъ Новороссію, Малороссію, Кіевское генераль-губернаторство, Донскую землю и сѣверный Кавказъ. Наша южная желѣзная дорога примкнетъ къ Черному морю всю южную половину Россіи и вѣроятно сдѣлаетъ его первымъ по важности изъ русскихъ морей. Но европейскій владѣлецъ Закавказья могъ бы каждую минуту запереть это окошко. Черезъ 24 часа послѣ написанія телеграфической депеши въ Лондонъ или Парижъ, Черное море обращалось бы для насъ въ ту же безвыходную степь, которая замыкала Россію съ юга до временъ Екатерины. То что теперь можетъ предпринять только великій европейскій союзъ, находилось бы тогда въ рукахъ одной морской державы. Пользованіе Чернымъ моремъ было бы для насъ чѣмъ-то въ родѣ награды за хорошія отношенія къ владѣльцу Закавказья.

Но эти невыгоды не ограничивались бы только Чернымъ моремъ. Далѣе къ востоку наше положеніе было бы еще хуже. Не говоря уже о томъ, что съ потерею исключительнаго господства на Каспійскомъ морѣ, намъ пришлось бы при каждой войнѣ занимать Астрахань, какъ мы занимали Кронштадтъ и Севастополь; что въ случаѣ паденія ея, Волга, на извѣстномъ протяженіи, могла бы послужить для непріятели такимъ же военнымъ путемъ какъ Миссиссипи для федералистовъ. Но все огромное протяженіе нашей границы отъ Каспій-